

СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕАЛЫ В МИРОВОЗЗРЕНИИ К. Э. ЦИОЛКОВСКОГО

В статье анализируются теоретические положения русского космизма — оригинального философского и культурного течения русской общественной мысли конца XIX — начала XX веков, ставшего мировоззренческим основанием современной космонавтики.

Н. А. Бердяев, говоря об основной проблематике и направленности русской философской мысли, отмечал, что изначально русская философская мысль была «по преимуществу, религиозной, моральной и социальной. Это значит, что центральной темой была тема о человеке,

о судьбе человека в обществе и в истории»¹. Анализ творчества подавляющего большинства русских мыслителей, включая и представителей русского космизма, служит очевидным тому подтверждением.

В нынешних условиях коренных, истинных революционных преобразований

самого образа жизни Российского общества, усиления процессов глобализации, угрозы «антропологической катастрофы» (М. Мамардашвили) и «конца истории», отсутствия общенациональной стратегии будущего и т. д., выявление и оценка антропологических и социальных идеалов русского космизма приобретает особую остроту и актуальность.

Наиболее развернутое учение космизма, непосредственно затрагивающее вопросы социальных преобразований и совершенствования природы человека, представлено в теоретическом исследовании К. Э. Циолковского. В 1920 году в одном из своих писем К. Э. Циолковский писал: «Трудно решить, какие открытия важнее: технические или по устройству общества. Склоняюсь, сам без колебания, к последнему»². Исследования в этом направлении опирались на основополагающие идеи французского Просвещения. В сочетании с проектами западноевропейского социального утопизма они сыграли решающую роль в формировании мировоззрения Циолковского. Он неоднократно подчеркивал, что в вопросах антропологии и социальной философии им лишь развиваются и конкретизируются выдвинутые еще Платоном, Т. Мором и другими учеными представления о путях и направлениях общественного прогресса.

Уже в 1916 году появляется работа К. Э. Циолковского «Горе и гений», свидетельствующая о неудовлетворенности автора существующим положением дел. В послереволюционный период ставятся и реализуются задачи разработки социальной доктрины. Принципиально важное место в ней уделяется проблеме космологического истолкования сложившейся системы международных отношений. К. Э. Циолковский полагает, что войны являются неизбежной частью современного общества, ибо в нем сохраняются противоречия в виде интеллектуального и имущественного неравенства между людьми и народами. Это неиз-

бежное зло, которое возможно будет преодолеть лишь на основе объединения людей в единое человечество.

Главным недостатком современного общества, по мнению К. Э. Циолковского, является его разделение на классы, сословия, касты и т. д., что должно быть радикально преодолено на путях сохранения не столько социальных, сколько индивидуальных различий между людьми (интеллектуальных, психологических, физического типа и др.).

Какова же стратегическая цель, антропологический и общественный идеал Циолковского и те императивы, которым должно следовать человечество? Речь идет прежде всего о реализации естественных нравственных стремлений к достижению счастья. Эвдемоническая этика Циолковского предполагает достижение человеком и обществом состояния, исключающего любую возможность страдания. Непосредственной предпосылкой этого состояния является формирование и господство во вселенной совершенных человеческих существ, способных направлять жизнь «к уничтожению страданий и к совершенству»³. Иначе говоря, проблема счастья каждого отдельного человеческого индивида и социума в целом должна формулироваться и решаться в контексте космологической идеи. В «Конспекте космической философии» К. Э. Циолковский писал о том, что счастьем является свобода (в том числе и свобода от страданий) и материальная обеспеченность. Таким образом понятие счастье должно стать источником общественного устройства людей.

Что же является двигателем социального прогресса, помимо стремления человека к счастью? Что может реально способствовать прогрессу общества? Ответы на эти вопросы связываются, прежде всего, с прогрессом науки, техники и просвещения. Они рассматриваются в качестве главных средств модернизации человечества на его путях к совершенству. В течение всей своей жизни К. Э. Ци-

олковский последовательно отстаивает позиции техницизма. По его глубокому убеждению, процесс освоения космического пространства неизбежно приведет к социальному прогрессу. В связи с этим Циолковский развивает аргументацию в пользу вывода о поступательности научно-технического прогресса, о его линейном и кумулятивном характере. Подобные взгляды были характерны для многих современников К. Э. Циолковского. В частности, Теодор В. Адорно, правда, несколько позднее К. Э. Циолковского, пришел к выводу о том, что и техника, и общество в своем развитии одинаково влияют друг на друга, взаимно обуславливая свое прогрессивное развитие. Он считал, что не существует технических задач, которые не касались бы общества. Общество и техника с начала нового времени так сильно переплелись друг в друге, что вопрос о приоритете экономики или техники напоминает вопрос о том, что было ранее: курица или яйцо. Общественные цели, по мнению Адорно, не являются чем-то внешним, что должно лишь принимать во внимание.

Развивая свою социальную теорию переустройства и совершенствования общества будущего, К. Э. Циолковский пытается решить главную проблему: что или кто может и должен стать движущей силой будущих социальных изменений. Что явится той силой, которая сможет изменить мир, привести социум к идеалам добра, счастья и изобилия? Мыслитель находит эту силу в лице гения-ученого. По мнению К. Э. Циолковского, именно гениальные ученые, изобретатели и философы-мыслители непосредственно «развивают» общество, способствуют его прогрессивному движению вперед. Не случайно одна из первых работ К. Э. Циолковского, посвященная социальной проблематике, называлась «Горе и гений» (Калуга, 1916). Здесь безусловное влияние на взгляды К. Э. Циолковского оказали русские революционные демократы и их философско-публици-

стическое творчество. На это неоднократно указывали наши предшественники, исследователи творчества К. Э. Циолковского.

Так, еще в конце 60-х годов XX века Л. В. Голованов писал, что в работах К. Э. Циолковского явно прослеживаются отзвуки концепции П. Л. Лаврова о роли героя-интеллекта в социальном переустройстве общества, о том, что герой-одиночка может перевернуть общество. Действительно, в автобиографии К. Э. Циолковского «Моя жизнь» мы находим ярчайшее и очень эмоциональное подтверждение этому. Описывая свои интересы в московский период жизни, то, чем он занимался, чем интересовался, что изучал и что читал, К. Э. Циолковский вспоминает: «Известный молодой публицист Д. И. Писарев заставлял меня дрожать от радости и счастья. В нем я видел тогда второе "Я". Уже в зрелом возрасте я смотрел на него иначе и увидел его ошибки... Все же это один из самых уважаемых мною моих учителей»⁴. Именно гении, по мнению К. Э. Циолковского, способны изменить общество. Но их надо найти, выделить среди других людей. И необходимо это для того, чтобы гении-ученые смогли возглавить общество (идеальное будущее общество) на всех его уровнях. К. Э. Циолковский писал по этому поводу: «Эта организация жизни на земле облегчит выбор наиболее совершенных. Каждое маленькое общество, живущее в одном здании или его отделении, взаимно изучая друг друга в течение нескольких лет, может отделить из своих членов наиболее великодушных, общественных, талантливых, здоровых, долголетних, плодovitых и красивых людей».

Таким образом, общество делится по математическому принципу на небольшие группы, не более 100 человек. Делается это из тех соображений, что небольшой группе легче изучить своих товарищей, оценить по достоинству их нравственные, физические и интеллекту-

альные данные и выделить из своего числа выдающихся, талантливых людей. По мнению мыслителя, из этих первичных обществ, или обществ первого порядка, выделяются пять человек (пять человек из 100), которые делегируются этим обществом представлять его интересы в Совет более высокого уровня. К. Э. Циолковский пишет, что все общество будет представлено в идеальном варианте пятью-шестью разрядами, пятишести уровней, состоящих из последовательно делегированных, наиболее выдающихся личностей соответствующего, более низкого разряда. Таким образом, в высшем разряде общества окажутся наиболее выдающиеся представители, собственно гении, которые и осуществляют конечное управление всем человеческим сообществом: «... Совет усложняется с высотой ячейки. Число членов его возрастает. ... Чем выше общество, тем законы, создаваемые им, важнее и играют более значительную роль. Они и сложнее».

Идея выделения наиболее талантливых и достойных для управления представителей общества разделением его на небольшие группы путем построения иерархической социальной структуры также не нова. Она характерна для социальных утопий. Достаточно упомянуть «Утопию» Т. Мора. Здесь каждые 30 семейств, или хозяйств, избирают особое должностное лицо, называемое сифогрантом, или филархом. Сифогранты составляют низшую категорию должностных лиц. В каждом городе их насчитывается около 200 человек. Сифогранты участвуют в заседаниях высшего совета — сената. Народ через них контролирует управление государством. Все должностные лица в Утопии выбираются народом или же народными представителями, в соответствии с иерархическим принципом. При этом все должностные лица выбираются из числа наиболее талантливой, образованной части общества.

Предложенный К. Э. Циолковским механизм деления общества носит, безусловно, упрощенный характер. Это скорее схема, чем реальная система. Утопическая система иерархической демократии К. Э. Циолковского может быть эффективной лишь в государстве, населенном идеальными людьми (честными, порядочными, искренними, высоконравственными и образованными). Это — парадокс и главное из противоречий социальной системы, развиваемой К. Э. Циолковским.

Утопизм социального идеала К. Э. Циолковского ярко виден на примере описания им поселений будущего. К. Э. Циолковский представляет классическое идеальное общество, живущее в идеальных, абсолютных условиях («практически вечные» помещения, где нет ничего негативного, т. е. вредного). Труд в этом сообществе носит обязательный характер. Каждый трудится в течение 6 часов, посвящая остальное время отдыху, самосовершенствованию и образованию. Каковы же основные принципы межличностных связей и какие еще функции, по мнению К. Э. Циолковского, должно выполнять это «новое общество»? Согласно этической концепции К. Э. Циолковского, одно из главных предназначений разума в космосе (если не главное вообще!) — это борьба с несовершенным, со всем, что потенциально может мешать движению к счастью. Разум должен быть уверен, что космос находится в совершенном состоянии. По мнению К. Э. Циолковского, разум планеты должен постепенно, но настойчиво и неуклонно бороться со всем несовершенным на Земле, а затем и в космосе, оставляя лишь нужное и полезное для носителей разума, то, что может помочь им жить счастливо и не принесет мучений и страданий. С этой точки зрения, «новое общество» К. Э. Циолковского должно активно заниматься устранением несовершенного, прежде всего, в живой природе. Между молодыми людьми в этом обществе за-

ключаются браки, но происходит это по решению самого общества. Председатели советов определяют количество разрешенного к рождению потомства. Если же вступающие в брак находятся на достаточно низком уровне развития, по мнению совета, то им могут не разрешить иметь детей⁵. «Новое общество» К. Э. Циолковского носит ярко выраженный тоталитарный характер, характер диктатуры. Нельзя забывать, что эти идеалы формировались в мировоззрении К. Э. Циолковского в начале XX века, во многом под влиянием революционных событий, происходивших в России.

С позиций нашего времени эти взгляды можно оценивать лишь отрицательно. Но имеем ли мы право на подобную оценку? Не будет ли более оправданным и более логичным подход с позиций исторических, с позиций того времени, когда идеи радикального, революционного переустройства общества и природы носили вполне естественный и научный характер и были широко распространены в общественном сознании, в работах философов и историков? В то же время, мы вполне разделяем мнение В. В. Казютинского, считающего, что подобные взгляды К. Э. Циолковского и его идеи, о которых мы будем говорить далее, «...способны сильно задеть нравственные чувства любого человека независимо от того, является ли он неверующим или верующим. Никакие формы жизни, даже самые примитивные, не могут быть вырваны из “великой цепи Природы”, без ущерба для вселенского организма»⁶. Процессу перестройки, в соответствии с «рациональными принципами уничтожения несовершенного», должна подвергнуться и вся наша планета, а не только человеческое общество, по мнению К. Э. Циолковского. Уничтожение несовершенного, ликвидация «зла» и страданий, даже потенциальных, должно носить всеобщий, тотальный характер. Специальные отряды должны, последовательно продвигаясь по планете, уничтожать на

ней все несовершенное, вредное и опасное для человека, оставляя лишь полезные и необходимые для его жизни растения и животных. Таким образом, Земля будет стерилизована, уничтожены все бактерии и вредные микроорганизмы, низшие животные и «не нужные» человечеству растения.

Подобные изменения, по мнению К. Э. Циолковского, будут носить характер постепенный и сугубо добровольный, то есть участвовать в данных преобразованиях будут лишь желающие это делать.

Еще в своей фундаментальной работе «Этика, или естественные основы нравственности», выступая с позиций крайнего радикализма в отношении возможностей искусственного биологического отбора в целях достижения социально-идеального общества, К. Э. Циолковский переступает нравственную границу, границу возможностей проведения исследования (или возможностей, нравственных пределов распространения научной гипотезы), переходя на позиции явно расистского характера. Предельно стремясь абсолютизировать свои гипотезы, К. Э. Циолковский приходит к выводу о том, что возможен и необходим будет в будущем не только искусственный биологический отбор лучших человеческих особей (евгеник), но и «улучшение человеческих рас», проведение «безболезненного отбора лучших рас путем их стерилизации». Он пишет по этому поводу: «Я человек и могу быть только человеком. ... Я не желаю жить жизнью низших рас. Жизнью негра или индейца».

По всей видимости, впервые честно и объективно эти взгляды К. Э. Циолковского были проанализированы и критически оценены в работах В. В. Казютинского. В частности, В. В. Казютинский замечает по этому поводу: «Приведенные рассуждения о скрещивании рас с целью совершенствования человека... способны вызвать шок. Комментировать их, конечно же, не только трудно, но и неприятно. Циолковский рассуждал как социал-

дарвинист, озабоченный улучшением “человеческой породы”, не обременяя себя сомнениями в чудовищной этической уязвимости такого подхода».

Безусловно, с точки зрения наших современных представлений о необходимости экологической точки зрения на Землю и Космос, данные взгляды ученого представляются не просто крайне радикальными, но и жестокими. Но нельзя забывать и о том, что подобные активно-эволюционистские, преобразовательные, прогрессистские подходы вообще характерны для человечества во все исторические эпохи его существования. Именно на это явление обращал внимание В. И. Вернадский, впервые формулируя ноосферный принцип: «... Кривая воздействия человечества (на природу) быстро поднимается. И никакого намека на поворотный пункт или на замедление этого подъема не наблюдается».

Эти процессы более или менее активного преобразования нашей планеты, чаще всего бессознательные, активнейшим образом протекают и в настоящее время. Более того, как предвидели это К. Э. Циолковский и В. И. Вернадский, процессы преобразовательской деятельности со стороны человечества, его науки и техники все более и более начинают распространяться вне Земли, перебрасываться не космическое пространство, другие планеты Солнечной системы. Необходимо отметить, что с определенного момента, а именно с началом эры освоения космического пространства, идея изменения поверхности и атмосферы планет, прежде всего планет Солнечной системы, начинает находить все больше и больше сторонников среди ученых и специалистов, в том числе и за рубежом. Так, один из современных популяризаторов науки Никос Прантзос в своей работе «Наше космическое будущее. Судьба

человечества во вселенной» отмечает, что человечество стремилось к изменению окружающей среды с незапамятных времен. Независимо от работ К. Э. Циолковского соответствующего периода (ибо они не издавались за рубежом, а в Советской России выходили ограниченными тиражами, в виде самиздата), как отмечает Н. Прантзос, идея возможности глобального планетарного изменения появляется в произведениях английского писателя фантаста Олафа Стаильдона. В 50-х годах XX века американский писатель Джек Вилльямсон вводит термин «терраформинг», подразумевающий возможность комплексного преобразования планет. Первый же научный материал о возможностях изменения планет был опубликован в 1961 году в журнале «Сайенс» и принадлежал перу известного американского астронома Карла Сагана. Эти идеи постоянно присутствуют в публикациях К. Сагана, включая самые последние из них. В частности, ученый убежден в возможностях изменения атмосферы Венеры, а значит, ее климата, что сделает планету обитаемой (человечество ее сможет заселить). То же самое, по его мнению, касается и Марса, его атмосферы и поверхности⁷.

Таким образом, идея возможности преобразования планет как возможных будущих мест расселения человечества присутствует в современной научной парадигме, что является научной реальностью. Антропологические и социальные идеалы русского космизма и космической философии Циолковского несмотря на их утопичность представляют собой одну из форм теоретического изображения особенностей собственно «русского пути» в истории и во многом способствуют прояснению перспектив отечественной культуры в сложных и противоречивых условиях сегодняшнего дня.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бердяев Н. А. Русская идея. Основная проблема русской мысли XIX века и начала XX века. О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 118.

² Циолковский К. Э. Письмо К. Э. Циолковского В. М. Вишневу. Архив РАН. Ф. 555, оп. 4, д. 4, л. 3–4 об.

³ Циолковский К. Э. Что делать на Земле // Циолковский К. Э. Что делать на Земле. Жизнь человечества. М., 1999. С. 9.

⁴ Циолковский К. Э. Моя жизнь. Архив ГМИК им. К. Э. Циолковского. Ф. 1, оп. 1, д. 67, л. 1–55.

⁵ Циолковский К. Э. Горе и гений // Циолковский К. Э. Общественная организация человечества. Горе и гений. М., МИП «Память», ИПЦ РАУ, 1992. С. 29.

⁶ Казютинский В. В. Космическая философия К. Э. Циолковского на рубеже XXI века // Циолковский К. Э. Очерки о вселенной. Калуга, 2001. С. 361–362.

⁷ Sagan C. Carl Sagan's Cosmic connection. An Extraterrestrial perspective. Cambridge University Press. 2000. P. 151–153.

V. Lytkin

SOCIAL IDEALS IN K. TSIOLKOVSKI'S WORLD OUTLOOK

Theoretical ideas of Russian cosmism, an original philosophical and cultural trend of Russian social thought of the end of XIXth — beginning of XXth centuries, which formed the foundation of the modern cosmonautics are analyzed.